

ПРИРОДА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В ОПТИКЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ Л. С. ВЫГОТСКОГО*

А. М. Двойнин

Аннотация: В статье осуществляется авторская попытка приложить идеи культурно-исторической психологии Л. С. Выготского к анализу природы религиозного сознания. Культурно-историческая психология предлагается в качестве адекватной альтернативы таким направлениям, как когнитивное религиоведение и эволюционная психология религии, поскольку не игнорирует и не редуцирует социальные и культурные детерминанты развития психики, в целом сохраняя при этом естественно-научный взгляд на психические явления. Основываясь на идеях Л. С. Выготского, его исследованиях магического мышления и знаково-символического опосредствования психических функций, автор с психологической точки зрения рассматривает религию как особую систему исторически сформировавшихся культурных (знаково-символических) средств, способствующих овладению человеком собственной психикой и поведением. Эти знаково-символические средства предлагаются называть религиозными или сверхъестественными психологическими орудиями. Выделяются следующие группы данных орудий: 1) религиозные объекты (природные или рукотворные); 2) религиозные действия (ритуалы); 3) религиозные образы (объективированные или субъективные); 4) религиозные значения (понятия). Природа религиозного сознания, рассмотренная в оптике культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, раскрывается автором в ряде положений: религиозное сознание представляет собой психологическую функциональную систему, результирующую процесс усвоения, главным образом, вербальных знаково-символических средств определенной религиозной традиции; религиозное сознание конституируется как динамические смысловые системы, интегрирующие интеллектуальные и аффективные процессы у верующего; религиозное сознание является социальным по происхождению и формируется в деятельности; механизм формирования религиозного сознания служит знаково-символическое опосредствование психики и поведения человека религиозными психологическими орудиями и др. Дальнейшая работа над приложением культурно-исторической

© Двойнин А. М., 2022.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

психологии Л. С. Выготского к анализу религиозного сознания должна включать разработку экспериментальной методологии исследования, выдвигание экспериментальных гипотез, а также рассмотрение с позиции данного подхода объяснительных моделей и фактов, полученных в рамках других подходов — когнитивного религиоведения и эволюционной психологии религии.

Ключевые слова: религиозное сознание, культурно-историческая психология, Выготский, психологические орудия, психология религии, когнитивное религиоведение, эволюционная психология религии.

Введение

Религиозное сознание в современном религиоведении рассматривается в качестве одной из важных составляющих религии. Неудивительно поэтому, что вопрос о природе религиозного сознания неразрывно связан с вопросом о природе религии в целом. Множество теорий было создано в результате интеллектуальных и эмпирических усилий разных поколений исследователей; выделились и сформировались фундаментальные подходы к природе религиозных феноменов (философский, теологический, социологический, психологический и др.). Однако до сих пор указанные вопросы не имеют ответов, достоверность которых была бы столь высока, а неоспоримость — очевидна, чтобы обрести статус объективной истины. В последние десятилетия существенный сдвиг в получении новых научных данных относительно религии был связан с исследованиями в сфере когнитивных наук, нейробиологии, культурной антропологии, археологии, психологии. Эти данные позволяют по-новому взглянуть на старые проблемы религиоведческой науки, в том числе на проблему природы религии и религиозного сознания.

Вероятно, наиболее эвристичные попытки переосмыслить генезис, функции, общественную и индивидуальную ценность религии предпринимаются в последние десятилетия представителями таких направлений, как когнитивное религиоведение и эволюционная психология религии. Также исследователи из этих областей пытаются раскрыть природу религиозного сознания (религиозного мышления и религиозного опыта). В ряде обзорных и концептуальных работ демонстрируется идейное многообразие относительно вариантов решения данных проблем¹. Анализируя конкретные исследования когнитивных религиоведов

¹ Буайе П. Объясняя религию: Природа религиозного мышления. М., 2017; Зубковская А. А. Современный эволюционизм и проблемы изучения религии: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021; Малевич Т. В. Эволюционное значение религии: между адаптацией и побочным продуктом // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 4 (66). С. 84–104; Малевич Т. В., Фолиева Т. А. «Естественность» религии и «естественная религия» в когнитивном религиоведении // Философия и культура. 2014. № 11. С. 1605–1617; Марков А. В. Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 45–56; Михельсон О. К. Подходы к изучению религии в современной эволюционной психологии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31. № 3. С. 63–76; Сергиенко Р. А. Когнитивные теории религиозного сознания: модели транскультурной репрезентации: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2013; Шахнович М. М. Когнитивная наука и исследования религии // Государство, религия и Церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31. № 3. С. 32–62;

и эволюционных психологов религии, нельзя не отметить научную значимость многих добытых фактов, иногда даже несмотря на их противоречивость. Амбициозные попытки раскрыть функции религиозных феноменов или выявить их объективную ценность для человека и социума безусловно вызывают симпатии, как и устремленность на поиск универсальных, общих каузальных закономерностей функционирования и развития религии. Сильной стороной указанных научных направлений, по нашему мнению, является использование экспериментальной методологии и опора главным образом на количественные методы исследования. Это задает высокие требования к верификации высказываемых религиоведами гипотез, которые в конечном счете способствуют лучшей воспроизводимости результатов и большей достоверности сделанных на их основе выводов.

Вместе с тем обращает на себя внимание один существенный недостаток, свойственный когнитивному религиоведению и эволюционной психологии религии² — избыточный редукционизм в отношении такого сложного и комплексного феномена, как религия. Сводить всё многообразие религиозных явлений, например, к функциям обеспечения просоциального поведения или к религиозным понятиям, нарушающим интуитивные ожидания индивида, не кажется слишком хорошей идеей. Методологически редукция оправдана для решения конкретных исследовательских задач, однако не следует забывать, что это лишь часть познавательной процедуры, технологический прием, а не способ раскрытия сущности явления. Религия как объект исследования многомерна; в ней сосуществуют биологические, социологические, антропологические, психологические, культурологические и другие «пласты», при анализе каждого из которых могут быть выявлены свои специфические закономерности. При этом представители когнитивного религиоведения игнорируют значение культурно-исторических факторов развития религии и религиозного сознания, предпочитая объяснять специфику религиозных феноменов особенностями когнитивной «архитектуры» психики. Эволюционисты же, как правило, редуцируют культурно-исторические факторы к общим эволюционным механизмам и не раскрывают своеобразие вклада данных факторов в развитие религии.

Негативные последствия подобной методологической «слепоты» фатально сказываются на изучении религиозного сознания. Исследования в области возрастной психологии и социологии в XX в. показали, что высший, сознательный уровень психики не формируется вне человеческого сообщества, без овладения социокультурным опытом, в первую очередь языком³. Поэтому возникает запрос

Пюсийанен И. По ту сторону религии: когнитивная наука и изучение человеческого поведения / пер. И. Анофриев, ред.: Е. Воронцова, Т. Малевич // Религиоведческие исследования. 2013. № 7–8. С. 126–137; Atran S. In Gods We Trust. The Evolutionary Landscape of Religion. N. Y., 2002; Barrett J. L. Cognitive Science of Religion: Looking Back, Looking Forward // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. Vol. 50 (2). P. 229–239; Norenzayan A., Shariff A. F. The Origin and Evolution of Religious Prosociality // Science. 2008. Vol. 322. P. 58–62; Rossano M. J. The Religious Mind and the Evolution of Religion // Review of General Psychology. 2006. Vol. 10 (4). P. 346–364.

² Мы опускаем здесь множество частных критических аргументов в адрес конкретных выводов и гипотетических построений представителей данных направлений.

³ См.: Davis K. Extreme Social Isolation of a Child // American Journal of Sociology. 1940. Vol. 45. P. 554–565; Gesell A. Wolf Child and Human Child. The Life History of Kamala, the Wolf Girl. L., 1941.

на разработку альтернативных когнитивному религиоведению и эволюционной психологии религии подходов, которые, сохраняя при этом естественно-научную направленность, не будут игнорировать самобытность и важность культурного и социального контекстов религиозных феноменов.

В современном религиоведении есть ряд культуроориентированных исследовательских проектов, например историко-культурный подход Я. Бельзена⁴, социокультурная психология Т. Зиттен⁵, проект психологии религии как герменевтического культурного анализа У. Попп-Байер⁶ и др. При всех достоинствах данных проектов (постулирование фундаментальной роли культуры, отсутствие выраженного редукционизма и др.), они выстраиваются в русле гуманитарной методологии с ее нацеленностью на реконструкцию религиозной жизни уникальной личности описательными методами и интерпретационными схемами. Эти проекты, конечно, могут рассматриваться как альтернативные по отношению к когнитивному религиоведению и эволюционной психологии религии. Однако по-прежнему остается запрос на альтернативный проект, который бы не игнорировал социокультурный бэкграунд и конкурировал за объяснение религиозных феноменов с когнитивными и эволюционными теориями, оставаясь при этом в русле естественно-научной методологии.

В этой связи крайне перспективной нам видится культурно-историческая психология Л. С. Выготского, которая, несмотря на наличие у нее признаков гуманитарной науки, выстраивалась ее автором и его коллегами скорее в естественно-научной логике. Несмотря на то что идеи этого выдающегося ученого иногда цитируют в психологии религии (например, Я. Бельзен⁷), тем не менее его богатое научное наследие до сих пор систематически не прилагалось к анализу религиозных феноменов, в частности религиозного сознания.

Цель настоящей работы — осуществить приложение идей культурно-исторической психологии Л. С. Выготского к анализу природы религиозного сознания. Для реализации этой цели мы проведем экспликацию идей культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, которые представляются значимыми для понимания природы религиозного сознания, и на их основе выдвинем теоретические гипотезы относительно природы религиозного сознания и религии в целом⁸.

⁴ Belzen J. A. The Historicocultural Approach in the Psychology of Religion: Perspectives for Interdisciplinary Research // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1997. Vol. 36 (3). P. 358–371; Belzen J. A. *Towards Cultural Psychology of Religion: Principles, Approaches, Applications*. Dordrecht, 2010; Belzen J. What, Why and How? Meta-reflections on Cultural Psychological Approaches to the Scientific Study of Phenomena Called Religious // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2019. Vol. 53 (1). P. 158–187.

⁵ Zittoun T. A. Sociocultural Psychological Approach to Religion // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2019. Vol. 53 (1). P. 107–125.

⁶ Popp-Baier U. Psychology of Religion as Hermeneutical Cultural Analysis — Some Reflections with Reference to Clifford Geertz // *Hermeneutical Approaches in Psychology of Religion* / J. A. Belzen, ed. Amsterdam, 1997. P. 195–212.

⁷ Belzen J. A. *Towards Cultural Psychology of Religion...*

⁸ Поскольку эта работа является начальным этапом разработки проблем психологии религии на основе культурно-исторического подхода, некоторые термины, утверждения и формулировки в тексте статьи представляются впервые. Ввиду этого они могут быть недостаточно точны и в дальнейшем могут быть модифицированы.

Культурно-историческая психология Л. С. Выготского

Культурно-историческая психология Л. С. Выготского представляет собой весьма обширный корпус научных знаний и разработок, созданный в 1920–1930-е гг. самим ученым в сотрудничестве с учениками и коллегами: А. Р. Лурией, А. Н. Леонтьевым, П. Я. Гальпериним, П. И. Зинченко, Л. И. Божович и др. Это направление, за пределами России отождествляемое с *марксистской психологией* в целом, во многом определило развитие отечественной психологической науки в XX в., а также существенно повлияло на мировую психологию и культурную антропологию⁹.

Культурно-историческая психология Л. С. Выготского включает в себя философский фундамент, общепсихологическую теорию высших психических функций, прикладные концептуальные разработки в области развития отдельных психических функций (мышления, речи, сознания, воли и др.), методологию психологического исследования, эстетическую теорию. Охват проблем психологии, которые попали в фокус культурно-исторической психологии чрезвычайно широк: вопросы природы человеческой психики и сознания, логики психического развития здорового и аномального ребенка и формирования отдельных психологических функций человека, проблема выявления психологических основ обучения и проблема эстетических переживаний человека при восприятии произведений искусства, а также многое другое. Помимо этого важной составляющей научно-исследовательской работы Л. С. Выготского был поиск новых методов изучения высших психологических функций человека и создание новой психологии на философском фундаменте марксизма.

Необходимо подчеркнуть, что ученый создавал не конкретную психологическую теорию, а целостную *объективную психологическую науку*, призванную прийти на смену отдельным психологическим школам конца XIX — начала XX в. (интроспективная психология, психоанализ, бихевиоризм, понимающая психология и др.)¹⁰. Предполагалось, что рождение единой психологической науки произойдет как рождение *общей психологии* — дисциплины, раскрывающей фундаментальные универсальные законы человеческой психики на основе единой системы понятий, принципов познания и методологии психологического исследования¹¹. Однако, несмотря на такой глобальный замысел, учение Л. С. Выгот-

⁹ Необходимо отметить, что культурно-историческая психология Л. С. Выготского была не единственным вариантом марксистской психологии в России в XX в. На базе марксистского учения выстраивались и другие проекты психологии, например связанная с культурно-исторической психологией теория деятельности А. Н. Леонтьева, субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна, реактология К. Н. Корнилова и др. Однако именно культурно-историческая психология Л. С. Выготского получила наибольшее освещение и признание среди психологов и культурных антропологов за пределами России.

¹⁰ Напомним, что это происходило в период открытого методологического кризиса в психологии в 1910–1930-е гг., связанного с осознанием непродуктивности и бесперспективности развития психологии как эмпирической науки о сознании с главным методом познания — интроспекцией.

¹¹ См.: Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Он же. Психология. М., 2000. С. 14–120.

ского de facto стало лишь одним из предложенных проектов, который, несмотря на свою успешность, не привел к преодолению раздробленности психологии на различные школы и направления.

Ядром культурно-исторической психологии является так называемая теория высших психических функций, раскрывающая социальную природу человеческой психики и определяющую роль культуры в развитии и формировании психических процессов человека (сознания, мышления, речи, памяти, внимания, воли и др.)¹². Л. С. Выготский творчески применяет философские идеи К. Маркса и Ф. Энгельса для решения философских и методологических проблем психологии. В частности, материалистическое понимание диалектики исторического развития общества, ключевой роли социальных отношений и общественной (трудовой) практики для развития отдельного человеческого индивида и социальных групп.

Исследователь рассматривает психику не как статичное явление, а как находящееся в постоянном развитии — филогенетическом и онтогенетическом. Л. С. Выготский утверждает, что тот тип психики, которым обладает человек, является продуктом особой линии эволюционного развития человеческих существ (антропогенеза), отличающейся от линии эволюции остального животного мира. С появлением орудийной деятельности, языка происходит дистанцирование человека от природы, а его дальнейшее развитие приобретает исторический характер¹³. Начинает аккумулироваться социальный опыт и вырабатываются культурные формы поведения, которые передаются из поколения в поколение. Причем эта передача реализуется не через генетическую программу, а посредством прижизненного усвоения социокультурного опыта («окультуривания», по Л. С. Выготскому¹⁴) через обязательное взаимодействие с другими людьми. Человек, ранний онтогенез которого проходил вне социального взаимодействия и без усвоения социокультурного опыта, остается на уровне психического развития животного и становится не способен к выработанным в человеческом обществе культурным формам поведения.

«Окультуренная» психика *Homo sapiens*, выражающаяся в наличии *сознания*, дает человеческому существу уникальную способность — не быть заложником непосредственной данности ему «здесь-и-сейчас» наличных условий, но выходить за их пределы в своем образе мира. То есть воспринимать действительность в

¹² Здесь следует сделать оговорку, что в текстах самого Л. С. Выготского, по свидетельству современных историографов (П. Кайлер, А. Yasnitsky), не встречаются формулировки «культурно-историческая теория», «культурно-историческая школа» в отношении собственного подхода. Такое обозначение заложенного Л. С. Выготским научного направления было введено уже после его смерти противниками и критиками ученого, а затем уже принято сторонниками и последователями его идей. Подробнее см.: Кайлер П. «Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: от мифа (обратно) к реальности // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 34–46; Yasnitsky A. Revisionist Revolution in Vygotskian Science: Toward Cultural-Historical Gestalt Psychology // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. Vol. 50 (4). P. 3–15.

¹³ См.: Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993; Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Он же. Психология. С. 512–755.

¹⁴ Там же.

историческом контексте (в единстве прошлого, настоящего и будущего) и в контексте усвоенного социального опыта. Поднимаясь над «властью» наличных стимулов, провоцирующих *реактивное* по своей сути поведение, человек, благодаря сознанию, становится способным регулировать свое поведение и психические процессы, становясь существом *активным*, преобразующим мир.

Л. С. Выготский пишет: «Вся наша жизнь, труд, поведение основаны на широком использовании опыта прежних поколений, опыта, не передаваемого через рождение от отца к сыну... Я располагаю не только теми связями, которые замкнулись в моем личном опыте между безусловными рефлексам и отдельными элементами среды, но и множеством таких связей, которые были установлены в опыте других людей»¹⁵.

Все психические функции ученый предлагает разделять на низшие (или натуральные) и высшие (культурные). Низшие психические функции (НПФ) есть и у животных, и у человека. Они являются продуктом эволюционного развития *Homo sapiens* и биологически обусловлены. Их развитие в онтогенезе есть, по сути, *созревание*. Они наиболее тесно связаны с развитием организма человека и не нуждаются для своей работы в культурных средствах. Низшими психическими функциями человек не может управлять — они не поддаются волевому контролю. К ним можно отнести ощущение, непреднамеренное восприятие, механическую (непроизвольную) память, непроизвольное внимание, наглядно-действенное («ручное») мышление и др.

В противоположность им, высшие психические функции (ВПФ) — это те процессы, которые отличают психику человека от психики всех других представителей животного мира. Они социально обусловлены и вне общества у человека не формируются; их развитие возможно только в процессе усвоения социокультурного опыта. ВПФ поддаются волевому контролю — человек может ими управлять. К ним относятся: преднамеренное восприятие, логическая память, произвольное внимание, словесно-логическое (понятийное) мышление, речь, творческое воображение, воля и др.

Л. С. Выготский полагал, что ключевая ошибка многих психологов, которая заводит в тупик исследования психики человека, заключается в попытках трактовать ВПФ как имеющие натуральное происхождение, в неумении взглянуть на них как на продукт исторического развития, «в смешении и неразличении природного и культурного, естественного и исторического, биологического и социального... короче — в неправильном принципиальном понимании *природы* (курсив мой. — А. Д.) изучаемых явлений»¹⁶.

В свете сказанного исследователь приходит к выводу о необходимости рассматривать культуру не как *один из факторов* развития ВПФ, а как их *источник и движущую силу*. Отметим, что этот постулат является принципиальным. Метафорически выражаясь, он «камень в фундаменте» всей культурно-исторической психологии.

¹⁵ Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Он же. Психология. С. 237–238.

¹⁶ Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Он же. Психология. С. 513.

Культура является продуктом социальной жизни и деятельности людей. Культурное развитие психики человека реализуется в социуме, в определенной *социальной ситуации развития* — определенной для конкретного возрастного этапа системе социальных отношений человека с окружающим миром¹⁷. Для развития ребенка важную роль выполняет взрослый, в сотрудничестве с которым достигается развивающий эффект.

С позиции Л. С. Выготского, следует различать две линии психического развития человека: 1) натуральную, естественную, которая является результатом биологической эволюции; 2) культурную, социально-историческую, которая есть результат исторического развития общества. Эти две линии слиты в реальном процессе психического развития индивида.

Поскольку каждая из этих линий достаточно автономна, исходно Л. С. Выготский полагал, что ВПФ не являются продолжением или более высокой ступенью развития НПФ. ВПФ, по мысли ученого, имеют качественное своеобразие и структурно отличаются от НПФ, поскольку формирование ВПФ идет по иным законам, нежели законы натурального развития психики. Надо отметить, что это положение еще при жизни его автора вызывало критику со стороны оппонентов¹⁸. Суть возражения такова: противопоставление натурального и культурного путей развития некорректно, ВПФ не надстраиваются над НПФ, а скорее преобразуют их. Позднее и сам Л. С. Выготский признал ошибочность своей изначальной трактовки¹⁹.

Каким же образом происходит формирование ВПФ? Л. С. Выготский полагает, что путем использования для регуляции своего поведения выработанных человечеством специальных *культурных средств*, или *психологических орудий*²⁰. К ним он относит различные виды знаковых систем: невербальные знаки, язык, письмо, счет, рисование и т. п.

Исследователь приводит следующий пример. Когда перед человеком стоит психологическая задача через определенное время вспомнить некоторую информацию, в культуре существует специальное средство, облегчающее решение этой задачи, например завязать узелок на память. Используя это культурное средство, человек как бы вводит его в качестве искусственного «стимула-средства» в непосредственную связь «стимул — реакция», которая характерна, по Л. С. Выготскому, для принципа работы НПФ (в качестве стимула служат обстоятельства, в которых необходимо что-либо вспомнить, а в качестве реакции — сам акт воспоминания). Таким образом, образуется новая, трехчленная структура психического процесса — ВПФ: «стимул — искусственный стимул — действие». Узелок на память здесь является *знаком*, опосредствующим память как психическую функцию,

¹⁷ См.: Выготский Л. С. Психология развития человека. М., 2005.

¹⁸ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2007; Lewin K. Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie // Erkenntnis. 1931. Bd. I. S. 421–466.

¹⁹ См.: Завершнева Е. «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л. С. Выготского) // Новое литературное обозрение. 2007. № 3 (85). С. 67–90.

²⁰ Л. С. Выготский проводит определенные аналогии использования культурных средств с использованием технических орудий, которые расширяют ограниченные возможности человеческого тела.

а сам описанный процесс называется *сигнификацией*, или *знаковым опосредствованием*²¹. Знак есть «всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением — чужим или собственным»²². Л. С. Выготским и его коллегами экспериментально показан процесс знакового опосредствования при решении детьми различных психологических задач — на восприятие, воспроизведение, мыслительные операции и др.²³

Использование подобным образом культурных средств при решении человеком многообразных психологических задач является способом *овладения собственной психикой*, в приведенном примере — процессом памяти. Процесс использования узелка — это и есть ВПФ, существующая исходно в форме внешнего действия: «...человек в узелке, завязываемом на память, в сущности конструирует извне процесс воспоминания, заставляет внешний предмет напоминать ему, т. е. напоминает сам себе через внешний предмет и как бы выносит, таким образом, процесс запоминания наружу, превращая его во внешнюю деятельность»²⁴.

ВПФ, являясь исходно внешней деятельностью, в процессе развития «сворачивается» во внутренний, психический план. Этот процесс называется *интериоризацией*. Вот что пишет об этом автор теории: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... Переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции. За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей»²⁵.

Для человека ключевой знаковой системой является язык. Специфика языковых знаков (слов) заключается в том, что они обладают *значением*. Именно с овладением значениями и практическим их применением для системного овладения собственной психикой Л. С. Выготский связывает развитие сознания. По мысли ученого, сознание имеет семантическую природу²⁶. Другими словами,

²¹ Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Он же. Психология. С. 512–755.

²² Там же. С. 567.

²³ См.: Выготский Л. С. Мышление и речь // Он же. Психология. С. 262–509; Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка // Он же. Психология. С. 828–891; Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961; Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1976.

²⁴ Выготский Л. С. История развития высших психических функций. С. 572.

²⁵ Там же. С. 617.

²⁶ Отметим, что взгляды ученого на природу сознания существенно и не раз менялись на протяжении его научной биографии: от редукционистских, постулирующих рефлекторную природу сознания, до системных, связанных с означиванием действительности и ее осмыслением. См. его работы: Выготский Л. С. О психологических системах // Он же. Психология. М., 2000. С. 216–232; Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения; Выготский Л. С. Психика, сознание, бессознательное // Он же. Психология. С. 249–261. Также см.: Ferrari M., Robinson D. K., Yasnitsky A. Wundt, Vygotsky and Bandura: A Cultural-Historical Science of Consciousness in Three Acts // History of the Human Sciences. 2010. Vol 23 (3). P. 95–118; Zavershneva E. The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology // The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology. Cambridge, 2014. P. 63–97.

осознать что-либо — это приписать определенному объекту значение. Вместе с этим, исследуя развитие мышления и речи ребенка (овладение детьми житейскими и научными понятиями), ученый открыл не только нелинейный характер связей между этими психическими функциями, но и пришел к выводу о системном строении сознания — интеграции высших психологических процессов в «динамические смысловые системы», обозначая этим конструктом единство интеллектуальных и аффективных процессов²⁷.

Теоретические гипотезы о религиозном сознании: культурно-исторический подход

Надо сказать, что сам Л. С. Выготский специально не исследовал вопросы психологии в их связи с религией. Однако в своих работах он касался проблемы магического поведения и мышления. Суть магического поведения и мышления исследователь раскрывает в совместной с А. Р. Лурией работе «Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок». Первое, что при этом необходимо отметить, это то, что магическое поведение, по предположению авторов, является специфически человеческим паттерном и, по-видимому, не присущим животным. Основаниями для такого предположения стали результаты анализа учеными ряда примеров, свидетельствующих о том, что примитивный человек применяет магические действия там, где цивилизованный, находящийся на более высокой ступени общественного развития человек использовал бы технические орудия и соответствующие им действия. Мы бы сказали, что магические действия *замещают* действия практические — преобразующие действительность. Это означает, что магия применяется человеком как средство подчинения себе природы, что, в свою очередь, может быть истолковано как формирование новой, специфически человеческой формы приспособления. Авторы исследования справедливо утверждают, что магические действия могут быть направлены не только на природу, но и на овладение собственным поведением. Другими словами, магия представляется психологическим орудием воздействия человека на самого себя посредством психологического воздействия на промежуточную силу природы²⁸.

Л. С. Выготский и А. Р. Лурия фактически разделяют взгляд на магию упоминаемого ими В. Данцеля как на субъективную, инстинктивно применяемую психологическую технику, а также повторяют мысль Дж. Фрезера о том, что магия *заменяет естественные законы законами психологическими*²⁹. В магическом поведении видится недостаточная дифференциация субъективного и объективного планов восприятия действительности примитивным человеком. Выделение же субъективного и объективного становится возможным только в результате практического преобразования действительности и развития технических средств в человеческом сообществе.

²⁷ См.: Выготский Л. С. Мышление и речь.

²⁸ Там же.

²⁹ Данная интерпретация сущности магических действий разделялась исследователями самых различных теоретических ориентаций. См. также: Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М., 2020.

Отметим здесь следующее обстоятельство. Выделение человеком своего Я из объективного мира, т. е. расчленение субъективного и объективного, является одним из существенных признаков сознания³⁰. Хотя Л. С. Выготский и А. Р. Лурия не пользуются в данном контексте понятием сознания, по существу, в магическом поведении проявляется особая *синкретическая форма сознания*, в котором субъективное и объективное представлены практически в нерасчленном виде. Вместе с тем в настоящее время в психологической науке существует и альтернативная трактовка сознания в соотношении с магическим мышлением. Так, Е. В. Субботский полагает, что сознание само представляет способность человека находиться в двух типах реальностей: обычной, видимой и невидимой, магической. Это возможно, как считает автор, благодаря постоянной работе у человека особого психологического механизма — «усилия разграничения реальностей»³¹.

Феномен магического мышления, который присущ детям на определенных этапах онтогенеза (3–7 лет), изучался Л. С. Выготским и А. Р. Лурией экспериментально. Было показано, что ассоциативная связь между изменением некоего предъявляемого ребенку объекта с одновременным действием какого-либо постороннего стимула воспринималась им как причинно-следственная³².

Основываясь на идеях культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, сформулируем ряд теоретических гипотез и допущений, которые позволят определенным образом посмотреть на природу религиозного сознания.

Религия в контексте рассматриваемого направления предстает как результат и продукт общественно-исторического развития, которое сущностно отличается от биологической эволюции³³. Религия, таким образом, не является порождением естественных когнитивных механизмов психики или эволюционным продуктом мозговой деятельности. С психологической точки зрения религия представляет собой особую систему исторически сформировавшихся культурных (знаково-символических) средств (коллективных репрезентаций, знаков, символов, действий и др.), способствующих овладению человеком собственной психикой и поведением³⁴. Следует отметить, что выработка знаково-символических средств

³⁰ См.: Акопов Г. В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М., 2010; Чуприкова Н. И. Мозг, психика, сознание // Мир психологии. 1999. № 1 (17). С. 84–97.

³¹ Субботский Е. В. Невидимая реальность: сознание в зеркале магического мышления // Психолог. 2015. № 3. С. 33–67.

³² Выготский Л. С., Лурия А. Р. Указ. соч.

³³ Здесь и далее утверждения о происхождении религии в целом и тех или иных ее элементов, делаемые в русле культурно-исторической психологии, не следует воспринимать в метафизическом ключе. Они лишь часть теоретической конструкции, возводимой для выявления психологической значимости религии и природы религиозного сознания. Данные утверждения следует рассматривать как допущения, необходимо вытекающие из базовых посылок культурно-исторической психологии. Метафизический вопрос о существовании либо несуществовании сверхъестественных агентов, их роли в генезисе религии выносятся за скобки и здесь не рассматривается.

³⁴ Очевидно, что у религии как у системы знаково-символических средств есть не только психологические, но и общественные функции — формировать общественные отношения и управлять ими, а также нормировать психику и поведение индивида в социуме и управлять им.

религии происходит в процессе общественной практики, в ходе совместной практической деятельности людей.

Эти знаково-символические средства можно назвать особыми *религиозными психологическими орудиями*, или *сверхъестественными психологическими орудиями*. К ним можно отнести религиозные вербальные и невербальные знаки и символы, сценарии, ритуальные действия, духовные упражнения, религиозные нормы и т. п. Верующий использует их для осознанной регуляции собственного и чужого поведения, а также для управления собственными психическими процессами.

Религиозные знаково-символические средства можно систематизировать, выделив четыре группы «религиозных психологических орудий», которые *опосредствуют* поведение верующего:

- 1) религиозные объекты (природные или рукотворные);
- 2) религиозные образы (объективированные или субъективные);
- 3) религиозные значения (понятия);
- 4) религиозные действия (ритуалы).

Подобная группировка позволяет дифференцировать разные формы оперирования религиозными психологическими орудиями, или, другими словами, формы *религиозного опосредствования* различного уровня сложности.

Исследования Л. С. Выготского, его коллег и учеников³⁵ показали, что формирование высшей психической функции в онтогенезе проходит несколько этапов: от осуществления внешнего действия с объектом к внутреннему оперированию образами, а затем к оперированию значениями (понятиями). При решении психологической задачи ребенок сначала научается использовать внешние объекты как знаки в ходе практического действия, например кубики, палочки. Затем, по мере развития, ему становится доступно опосредствование образами (например, рисуночными изображениями предметов, а потом их внутренними образами). Далее, на более зрелом этапе развития ребенок осваивает значения слов и начинает их использовать в процессе опосредствования собственных психических функций и поведения.

Что касается ребенка, постепенно осваивающего религиозные знаково-символические средства в процессе религиозной социализации, то можно выдвинуть гипотезу о том, что в данном случае описанная выше последовательность этапов будет также присутствовать. Если же освоение религиозных знаково-символических средств осуществляется во взрослом возрасте, то эта закономерность вряд ли будет наблюдаться. Однако при этом различия в психологической сложности применения подобных культурных средств, по-видимому, будут сохраняться. Например, вероятно, самая простая в психологическом плане форма религиозного опосредствования — это использование в качестве искусственного стимула-средства религиозного объекта: ношение когтя медведя, к примеру, может быть использовано человеком в качестве защитного средства от

³⁵ См.: Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка; Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в современной психологии / ред. Е. В. Шорохова. М., 1966. С. 259–276; Леонтьев А. Н. Указ. соч.

губительного действия злого духа. Психологическая значимость оперирования данным религиозным объектом заключается в овладении собственным страхом и подчинении его себе.

Также в качестве психологически простой формы религиозного опосредствования можно выделить использование символического (ритуального) действия. Ритуальное протыкание стрелами чучела животного перед охотой служит способом овладения собственной неуверенностью в ее успехе.

Еще одной формой религиозного опосредствования можно считать использование религиозного образа, объективированного во внешней форме (например, крест) или субъективного образа (образная репрезентация Бога). Одним из примеров такого опосредствования служит использование иконы при молитве в качестве возможного средства сосредоточения, т. е. овладения собственным вниманием.

Наиболее сложной формой религиозного опосредствования является оперирование религиозными значениями (понятиями). Использование понятий Бога, рая и ада, греха, спасения, просветления, джихада и т. п. требует более высокого уровня психического развития, чем употребление ранее описанных знаково-символических средств. Пример данной формы опосредствования — молитва, посредством которой человек может овладеть целым комплексом собственных психических процессов и состояний, а также разнообразными поведенческими проявлениями.

В логике культурно-исторической психологии Л. С. Выготского религиозное сознание предстает как психологическая функциональная система, результирующая усвоение главным образом *вербальных* знаково-символических средств в процессе «окультуривания» в рамках определенной религиозной традиции. Генезис религиозного сознания может быть гипотетически описан как формирование, а затем интеграция более простых форм религиозного опосредствования (с использованием объектов, действий и образов) и сложной формы — вербальной.

Мы полагаем, что при систематическом использовании религиозных культурных средств (в соответствии с нормами, которые определяют религиозной традицией, предписываются вероучением) не только психические процессы и поведение человека становятся опосредствованными, но также *жизненные отношения* человека с миром опосредствуются религиозными действиями и значениями. Включение этих значений в контекст жизненных отношений приводит к формированию *личностных смыслов*. Гипотетически, таким образом, происходит формирование *динамических смысловых систем*, конституирующих религиозное сознание, т. е. интегрирующих в целостную психологическую функциональную систему интеллектуальные и аффективные процессы у верующего.

Религиозное сознание не следует рассматривать как наполненное исключительно религиозным знаково-символическим содержанием. В действительности у конкретного верующего, который является носителем сформированного религиозного сознания, могут быть локализованы в сознании нерелигиозные содержания в форме значений, смыслов, образов и т. п. При этом интегрированность религиозных и нерелигиозных компонентов в различные динамические смысловые системы может быть различной.

Генезис религиозного сознания, т. е. процесс знаково-символического опосредствования психики религиозными психологическими орудиями, происходит в процессе деятельности, наиболее интенсивно — в культовой. Культурная деятельность является знаково-символической, поскольку ее *предметом* являются религиозные значения и смыслы. Определенная регулярность культовых действий (к примеру, участие в литургии, коллективных молитвах, чтение священных текстов, приобщение к таинствам в сочетании с рефлексией на свою жизнь, бытие в целом и т. п.) может быть рассмотрена в рамках культурно-исторической психологии как упражнение *сигнификативной функции (сознания)*, которое постепенно приводит к формированию *религиозного сознания* человека. Здесь уместна аналогия с ребенком, который, используя в игре разные предметы (например, кубики) для *означивания* других предметов (домов), тем самым тренирует свою сигнификативную функцию (сознание).

Знаково-символическая (культовая) деятельность нередко сначала осуществляется в коллективной форме, как внешний акт: начинающий верующий участвует в религиозных обрядах и ритуалах, наблюдает за происходящим, пытается понять значение того или иного символического действия или предмета. Выполняемые верующим нормативные предписания на стадии вхождения в культ, как правило, еще не имеют личностного смысла, а подлинное их значение он еще не представляет, поскольку не овладел религиозными понятиями. Эти действия скорее воспринимаются как «полезные», а сама эта фаза напоминает фазу подражания в психическом развитии ребенка. По мере овладения в процессе этой деятельности религиозными значениями к коллективной форме деятельности добавляется индивидуальная, а внешние знаково-символические действия переходят во внутренние, т. е. интериоризируются: мысленное обращение к Богу с просьбой, благодарностью, исповедью, обещаниями и т. п.

Как мы сказали выше, с точки зрения создателя культурно-исторической психологии, психологические орудия (в нашем случае — религиозные знаково-символические средства) используются для овладения собственной психикой и поведением. По-видимому, в этом и заключается их реальная и объективная *психологическая функция*. Она не специфична, как и сам механизм формирования религиозного сознания (знаково-символическое опосредствование). Специфичны сами религиозные психологические орудия.

Мы полагаем, что эти орудия дают *возможность символически преодолеть естественные ограничения собственной психики* при психологическом воздействии на объективную действительность³⁶. К примеру, человек не может *волевым усилием* поменять сложившиеся обстоятельства, но, используя религиозные средства (молитва к Богу), он *символически* задействует *волю Бога* (за счет субъективного переживания доступа к всемогущему сверхъестественному агенту). В объективной реальности происходит попытка психологически овладеть ситуацией, получить над ней субъективный контроль. Схожим образом технические устройства позволяют преодолеть ограничения собственной психики, но уже в действительности. Например, смартфон за счет возможности быстрого доступа

³⁶ Попытки психологического воздействия на объективную действительность возникают при слитности в определенной мере субъективного и объективного плана восприятия у человека.

к массивам информации позволяет преодолеть человеку когнитивные ограничения доступа к собственной долговременной памяти.

Заключение

Культурно-историческая психология Л. С. Выготского показывает хорошие возможности ее приложения к психологии религии. Дальнейшее развитие подхода Л. С. Выготского может стать альтернативным проектом когнитивному религиоведению и эволюционной психологии религии. Несмотря на наличие у культурно-исторической психологии признаков гуманитарной науки, ее стремление раскрыть универсальные законы психики и найти базовые объяснительные принципы показывает естественно-научную ориентацию данного направления. Об этом свидетельствует и применение преимущественно экспериментальной методологии исследования.

Л. С. Выготский сместил акценты в понимании источника и движущих сил развития психики человека. Они находятся не в организме ребенка или его личности, а во вне — в социальном взаимодействии и культуре. Сознание человека, как и высшие формы поведения, не результат биологической эволюции, а продукт культурно-исторического развития человечества.

Это общее видение логики процесса психического развития человека позволяет рассмотреть культурно-историческую составляющую религии как особую систему знаково-символических средств, которыми человек пользуется как психологическими орудиями для овладения собственной психикой и поведением, для опосредствования своих жизненных отношений и психологическим овладением ситуацией (обстоятельствами).

В отличие от этого, подход когнитивного религиоведения внеисторичен — в нем рассматривается на одном уровне религиозная психика дикаря и современного образованного верующего, что не позволяет увидеть качественные различия в уровнях организации их психики. В логике когнитивного религиоведения проблема религиозного сознания *de facto* сводится к проблеме религиозного мышления как оперирования понятиями, нарушающими наши интуитивные ожидания. Постулируется, что специфика религиозного мышления определяется особенностями когнитивной «архитектуры» психики человека, а не культурными и социальными детерминантами. Чувственная, аффективная сторона религиозного сознания в концептуальных построениях когнитивных религиоведов не представлена.

В пространстве эволюционных теорий религии, строящихся на нейробиологических исследованиях, религиозное сознание, как правило, представит исключительно как религиозный опыт — некое переживание сакрального и сверхъестественного, которому ищутся соответствующие нейробиологические корреляты и маркеры. Понятийная, знаково-символическая сторона и социокультурные факторы генезиса религиозного сознания практически остаются вне исследовательского фокуса. Те же эволюционные теории, которые оперируют категориями просоциальности, кооперативности и т. п., в своих объяснительных схемах и вовсе обходятся без понятия религиозного сознания, предпочитая бихевиористскую терминологию.

Природа религиозного сознания, рассмотренная в оптике культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, раскрывается в следующих положениях:

- 1) религиозное сознание представляет собой психологическую функциональную систему, результирующую процесс усвоения, главным образом вербальных знаково-символических средств определенной религиозной традиции;
- 2) религиозное сознание конституируется как динамические смысловые системы, интегрирующие интеллектуальные и аффективные процессы у верующего;
- 3) религиозное сознание является социальным по происхождению;
- 4) религиозное сознание формируется в процессе овладения собственной психикой, поведением, а также при психологическом овладении ситуацией;
- 5) религиозное сознание формируется в деятельности, преимущественно в культовой;
- 6) в функциональном плане религиозное сознание является психической функцией сигнификации (означивания) действительности религиозными значениями;
- 7) религиозному сознанию в определенной мере присуща слитность субъективного и объективного, что предрасполагает его носителя к психологическому воздействию на действительность с помощью религиозных знаково-символических средств;
- 8) механизмом формирования религиозного сознания служит знаково-символическое опосредствование поведения человека религиозными психологическими орудиями (религиозными объектами, образами, значениями, ритуальными действиями).

Дальнейшая работа над приложением культурно-исторической психологии Л. С. Выготского к анализу религиозного сознания должна включать разработку экспериментальной методологии исследования, выдвижение экспериментальных гипотез, а также рассмотрение с позиции данного подхода объяснительных моделей и фактов, полученных в рамках других подходов, — когнитивного религиоведения и эволюционной психологии религии.

Список литературы

- Акопов Г. В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Ин-т психологии РАН, 2010.
- Буаие П. Объясняя религию: Природа религиозного мышления. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Он же. Психология. М.: Апрель пресс; ЭКСМО-пресс, 2000. С. 14–120.
- Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Там же. С. 512–755.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Там же. С. 262–509.
- Выготский Л. С. О психологических системах // Там же. С. 216–232.
- Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка // Там же. С. 828–891.
- Выготский Л. С. Психика, сознание, бессознательное // Там же. С. 249–261.

- Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2005.
- Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Он же. Психология. М.: Апрель пресс; ЭКСМО-пресс, 2000. С. 233–248.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в современной психологии / ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1966. С. 259–276.
- Завершнева Е. «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л. С. Выготского) // Новое литературное обозрение. 2007. № 3 (85). С. 67–90.
- Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961.
- Зубковская А. А. Современный эволюционизм и проблемы изучения религии: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021.
- Кайлер П. «Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: от мифа (обратно) к реальности // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 34–46.
- Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1976.
- Малевич Т. В. Эволюционное значение религии: между адаптацией и побочным продуктом // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 4 (66). С. 84–104.
- Малевич Т. В., Фолиева Т. А. «Естественность» религии и «естественная религия» в когнитивном религиоведении // Философия и культура. 2014. № 11. С. 1605–1617.
- Марков А. В. Религия: полезная адаптация, побочный продукт эволюции или «вирус мозга»? // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 45–56.
- Михельсон О. К. Подходы к изучению религии в современной эволюционной психологии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31. № 3. С. 63–76.
- Пюсийанен И. По ту сторону религии: когнитивная наука и изучение человеческого поведения / пер. И. Анофриев, ред.: Е. Воронцова, Т. Малевич // Религиоведческие исследования. 2013. № 7–8. С. 126–137.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2007.
- Сергиенко Р. А. Когнитивные теории религиозного сознания: модели транскультурной репрезентации: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2013.
- Субботский Е. В. Невидимая реальность: сознание в зеркале магического мышления // Психолог. 2015. № 3. С. 33–67.
- Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.: Эксмо, 2020.
- Чуприкова Н. И. Мозг, психика, сознание // Мир психологии. 1999. № 1 (17). С. 84–97.
- Шахнович М. М. Когнитивная наука и исследования религии // Государство, религия и Церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31. № 3. С. 32–62.
- Atran S. In Gods We Trust. The Evolutionary Landscape of Religion. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
- Barrett J. L. Cognitive Science of Religion: Looking Back, Looking Forward // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. Vol. 50 (2). P. 229–239.
- Belzen J. A. The Historicocultural Approach in the Psychology of Religion: Perspectives for Interdisciplinary Research // Journal for the Scientific Study of Religion. 1997. Vol. 36 (3). P. 358–371.
- Belzen J. A. Towards Cultural Psychology of Religion: Principles, Approaches, Applications. Dordrecht: Springer Science+Business Media B.V., 2010.
- Belzen J. What, Why and How? Meta-reflections on Cultural Psychological Approaches to the Scientific Study of Phenomena Called Religious // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2019. Vol. 53 (1). P. 158–187.

- Davis K. Extreme Social Isolation of a Child // *American Journal of Sociology*. 1940. Vol. 45. P. 554–565.
- Ferrari M., Robinson D. K., Yasnitsky A. Wundt, Vygotsky and Bandura: A Cultural-Historical Science of Consciousness in Three Acts // *History of the Human Sciences*. 2010. Vol 23 (3). P. 95–118.
- Gesell A. *Wolf Child and Human Child. The Life History of Kamala, the Wolf Girl*. L.: Methuen, 1941.
- Lewin K. Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie // *Erkenntnis*. 1931. Bd. I. S. 421–466.
- Norenzayan A., Shariff A. F. The Origin and Evolution of Religious Prosociality // *Science*. 2008. Vol. 322. P. 58–62.
- Popp-Baier U. Psychology of Religion as Hermeneutical Cultural Analysis — Some Reflections with Reference to Clifford Geertz // *Hermeneutical Approaches in Psychology of Religion* / J. A. Belzen, ed. Amsterdam: Rodopi, 1997. P. 195–212.
- Rossano M. J. The Religious Mind and the Evolution of Religion // *Review of General Psychology*. 2006. Vol. 10 (4). P. 346–364.
- Yasnitsky A. Revisionist Revolution in Vygotskian Science: Toward Cultural-Historical Gestalt Psychology // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2012. Vol. 50 (4). P. 3–15.
- Zavershneva E. The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology // *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 63–97.
- Zittoun T. A. Sociocultural Psychological Approach to Religion // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2019. Vol. 53 (1). P. 107–125.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo
gumanitarnogo universiteta.
Serii I: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie.
2022. Vol. 104. P. 123–143
DOI: 10.15382/sturI2022104.123-143

Alexey Dvoinin,
Candidate of Sciences in Psychology,
Associate Professor,
HSE University
Moscow, Russia
alexdvoinin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>

THE NATURE OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN THE OPTICS OF CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY BY LEV S. VYGOTSKY*

A. DVOININ

Abstract: The article presents the author's attempt to apply the ideas of Lev S. Vygotsky's cultural-historical psychology to the analysis of the nature of religious consciousness. Cultural-historical psychology is regarded as an adequate alternative to such fields as cognitive religious studies and evolutionary psychology of religion because it does not ignore and does not reduce the social and cultural determinants of

*This study has been funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; the project "Current trends in the development of human science in the context of digitalisation and new social issues and threats: interdisciplinary approach", agreement no. 075-15-2020-798.

mental development, while generally maintaining the natural scientific view of mental phenomena. Based on the ideas of Lev S. Vygotsky and his studies of magical thinking and semiotic mediation of mental functions, the author — from the psychological point of view — considers religion as a special system of historically formed cultural (semiotic) means that contribute to mastering one's own mental functions and behaviour. It is suggested that these semiotic tools may be referred to as religious or supernatural mental tools. The following groups of these tools are distinguished: 1) religious objects (natural or artificial); 2) religious actions (rituals); 3) religious images (objectified or subjective); 4) religious meanings (concepts). The nature of religious consciousness viewed through the lens of cultural-historical psychology by Lev S. Vygotsky is revealed by the author in a number of provisions: religious consciousness is a mental functional system resulting from the process of assimilation, mainly verbal semiotic means of a particular religious tradition; religious consciousness is constituted as dynamic systems of meaning that integrate the believer's intellectual and affective processes; religious consciousness is social in origin and is formed in activity; semiotic mediation of mental functions and human behaviour is the mechanism to form religious consciousness. Further work on the application of Lev S. Vygotsky's cultural-historical psychology to the analysis of religious consciousness must include the development of experimental research methodology, the advancement of experimental hypotheses, and the consideration from the perspective of this approach of explanatory models and facts obtained in other approaches, i.e., cognitive religious studies and evolutionary psychology of religion.

Keywords: religious consciousness, cultural-historical psychology, Vygotsky, mental tools, psychology of religion, cognitive studies of religion, evolutionary psychology of religion.

References

- Akopov G. (2010) *Psikhologiya soznaniia: voprosy metodologii, teorii i prikladnykh issledovani* [Psychology of consciousness: issues in methodology, theory and applied research]. Moscow (in Russian).
- Atran S. (2002) *In Gods We Trust. The Evolutionary Landscape of Religion*. New York.
- Barrett J. L. (2011) "Cognitive Science of Religion: Looking Back, Looking Forward". *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 50, no. 2, pp. 229–239.
- Belzen J. (2019) "What, Why and How? Meta-reflections on Cultural Psychological Approaches to the Scientific Study of Phenomena Called Religious". *Integrative Psychological and Behavioral Science*, vol. 53, no. 1, pp. 158–187.
- Belzen J. A. (1997) "The Historicocultural Approach in the Psychology of Religion: Perspectives for Interdisciplinary Research". *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 36, no. 3, pp. 358–371.
- Belzen J. A. (2010) *Towards Cultural Psychology of Religion: Principles, Approaches, Applications*. Dordrecht.
- Boyer P. (2017) *Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought*. Moscow (Russian translation).
- Chuprikova N. (1999) "Mozg, psikhika, soznanie" [Brain, mind, consciousness]. *Mir Psikhologii*, vol. 17, no. 1, pp. 84–97 (in Russian).
- Davis K. (1940) "Extreme Social Isolation of a Child". *American Journal of Sociology*, vol. 45, pp. 554–565.

- Ferrari M., Robinson D. K., Yasnitsky A. (2010) “Wundt, Vygotsky and Bandura: A Cultural-Historical Science of Consciousness in Three Acts”. *History of the Human Sciences*, vol. 23, no. 3, pp. 95–118.
- Freud S. (2020) *Totem und Tabu*. Moscow (Russian translation).
- Galperin P. (1966) “Psikhologiya myshleniya i uchenie o poetapnom formirovanii umstvennykh deistvii” [The psychology of thinking and the doctrine of stage-by-stage formation of mental actions], in E. Shorokhova (ed.) *Issledovaniia myshleniya v sovremennoi psikhologii* [Research on thinking in modern psychology]. Moscow, pp. 259–276 (in Russian).
- Gesell A. (1941) *Wolf Child and Human Child. The Life History of Kamala, the Wolf Girl*. London.
- Keiler P. (2012) ““Kul'turno-istoricheskaiia teoriia” i “kul'turno-istoricheskaiia shkola”: ot mifa (obratno) k real'nosti” [“Cultural-historical theory” and “Cultural-historical school”: From myth (back) to reality]. *Dubna Psychological Journal*, no. 1, pp. 34–46 (in Russian).
- Leontiev A. (1976) *Problemy razvitiia psikhiki* [Problems of mental development]. Moscow (in Russian).
- Lewin K. (1931) “Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie”. *Erkenntnis*, vol. 1, pp. 421–466.
- Malevich T. (2016) “Evolutsionnoe znachenie religii: mezhdru adaptatsiei i pobochnym produktom” [Evolutionary role of religion: Between adaptation and by-product]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seria I: Bogoslovie. Filosofia. Religiovedenie*, vol. 66, no. 4, pp. 84–104 (in Russian).
- Malevich T., Foliava T. (2014) ““Estestvennost” religii i “estestvennaia religiiia” v kognitivnom religiovedenii” [“Naturality” of religion and “natural religion” in cognitive religious studies]. *Filosofia i kultura*, no. 11, pp. 1605–1617 (in Russian).
- Markov A. (2009) “Religiia: poleznaia adaptatsiia, pobochnyi produkt evoliutsii ili “virus mozga”?” [Religion: a useful adaptation, a by-product of evolution or a “brain virus”?]. *Istoricheskaiia psikhologia i sotsiologia istorii*, vol. 2, no. 1, pp. 45–56 (in Russian).
- Mikhelson O. (2013) “Podkhody k izucheniiu religii v sovremennoi evoliutsionnoi psikhologii” [Approaches to the study of religion in modern evolutionary psychology]. *Gosudarstvo, Religiiia, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 31, no. 3, pp. 63–76 (in Russian).
- Norenzayan A., Shariff A. F. (2008) “The Origin and Evolution of Religious Prosociality”. *Science*, vol. 322, pp. 58–62.
- Popp-Baier U. (1997) “Psychology of Religion as Hermeneutical Cultural Analysis — Some Reflections with Reference to Clifford Geertz”, in J. A. Belzen (ed.) *Hermeneutical Approaches in Psychology of Religion*. Amsterdam, pp. 195–212.
- Pyysiäinen I. (2013) “After Religion: Cognitive Science and the Study of Human Behavior”. *Religiovedcheskie issledovaniia*, vol. 78, pp. 126–137 (Russian translation).
- Rossano M. J. (2006) “The Religious Mind and the Evolution of Religion”. *Review of General Psychology*, vol. 10, no. 4, pp. 346–364.
- Rubinstein S. (2007) *Osnovy obshchei psikhologii* [Basics of general psychology]. St. Petersburg (in Russian).
- Shakhnovich M. (2013) “Kognitivnaia nauka i issledovaniia religii” [Cognitive science and the study of religion]. *Gosudarstvo, Religiiia, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 31, no. 3, pp. 32–62 (in Russian).
- Subbotsky E. (2015) “Nevidimaia realnost': soznanie v zerkale magicheskogo myshleniya” [The invisible reality: consciousness in the mirror of magical thinking]. *Psikholog*, no. 3, pp. 33–67 (in Russian).
- Vygotsky L. (2000) *Psikhologiia* [Psychology]. Moscow (in Russian).
- Vygotsky L. (2005) *Psikhologiia razvitiia cheloveka* [The psychology of human development]. Moscow (in Russian).

- Vygotsky L., Luria A. (1993) *Etiudy po istorii povedeniia: Obez'iana. Primitiv. Rebenok* [Essays on the history of behaviour: Monkey. Primitiveness. Child]. Moscow (in Russian).
- Yasnitsky A. (2012) "Revisionist Revolution in Vygotskian Science: Toward Cultural-Historical Gestalt Psychology". *Journal of Russian and East European Psychology*, vol. 50, no. 4, pp. 3–15.
- Zavershneva E. (2007) "'Put' k svobode" (k publikatsii materialov iz semeinogo arkhiva L. S. Vygotskogo) ["The road to freedom" (towards the publication of materials from the family archive of L.S. Vygotsky)]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, vol. 85, no. 3, pp. 67–90 (in Russian).
- Zavershneva E. (2014) "The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology", in *Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*, Cambridge, pp. 63–97.
- Zinchenko P. (1961) *Neproizvol'noe zapominanie* [Involuntary memorisation]. Moscow (in Russian).
- Zittoun T. (2019) "Sociocultural Psychological Approach to Religion". *Integrative Psychological and Behavioral Science*, vol. 53, no. 1, pp. 107–125.

Статья поступила в редакцию 23.10.2022

The article was submitted 23.10.2022